

СКОЛЬКО ЗЕМЛИ ФЕРМЕРУ НУЖНО? (К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ)

канд. ист. наук,
Российский гуманитарный научный фонд, г. Москва
e-mail: ins@rfh.ru

Цель статьи – определить степень наличия материальных предпосылок, необходимых для создания слоя российских фермеров в ходе столыпинской аграрной реформы. Для решения поставленной задачи рассмотрена эволюция земельного обеспечения крестьянства после Крестьянской реформы 1861 г. Показывается, что именно реальные размеры обеспечения крестьянства землей в пореформенный период и сдерживающая роль помещичьего хозяйства в процессе формирования класса свободных мелких производителей определяли логику проведения столыпинской аграрной реформы и пределы ее возможного успеха.

Ключевые слова: аграрные реформы, российское крестьянство, фермерство, обеспеченность землей, собственность, помещичье хозяйство.

Истоки повышенного интереса в современной России к личности П.А. Столыпина, истории столыпинской аграрной реформы и одновременно к истории фермерства восходят к концу 1980-х гг. [1]. Обращение к опыту российского аграрного реформирования происходило на волне острой критики недостатков советского агропромышленного комплекса, не выдерживавшего сравнения с более эффективной западной рыночной моделью аграрного производства. Вместе с тем в качестве одной из стратегических целей аграрного реформирования в конце 1980-х – 1990-х гг. принимался классический образец свободного американского фермерства. Однако исторический опыт российского фермерства до сих пор не получил достаточно полного освещения ни в отечественной, ни в зарубежной историографии и практически не учитывался при подготовке и проведении современных аграрных реформ. Более того, несмотря на наличие фундаментальных теоретических разработок ученых, четко определивших основные отличия крестьянского и фермерского хозяйства [2], а также вопреки мнению о путях современных аграрных преобразований таких известных ученых-аграрников, как В.П. Данилов, А.А. Никонов и др. [3, 4], реформаторы образца 1990-х гг. уже на начальном этапе разработки основ аграрного реформирования не смогли избежать серьезных теоретических изъянов. Метко охарактеризовал путаницу в их представлениях о фермерстве и крестьянстве В.П. Данилов на одном из первых заседаний теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития», посвященном книге известного английского историка и социолога Т. Шанина «Определяя крестьянство» [5]. Теоретическая ущербность проявилась уже в названии одного из основополагающих законов современной аграрной реформы, смешавшем практически в одно целое крестьянское и фермерское хозяйство¹.

Отметив данное обстоятельство, В.П. Данилов подчеркнул: «Разобраться в значении этих терминов необходимо для понимания как исторического прошлого, так и аграрных преобразований настоящего времени» [6, с. 3–4].

В целом в российской истории характерно обострение внимания к моделям сельскохозяйственного предпринимательства в периоды подготовки и проведения социально-экономических реформ. Так было и при подготовке крупнейших аграрных реформ – Крестьянской реформы 1861 г. и столыпинской аграрной реформы.

Нельзя не согласиться с утверждением американского исследователя Д. Мейси о том, что рассмотрение предпосылок и хода реализации столыпинской аграрной политики следует начинать с Крестьянской реформы 1861 г. [7]. Позиция дворян-землевладельцев ярко отразилась в деятельности Главного комитета по крестьянскому делу. При обсуждении вопроса о наделении крестьян землей в «Особом мнении» князь П.П. Гагарин «классом фермеров» называл крестьян малоземельных губерний, освобождаемых без земли, по «остзейскому»²

варианту, и становившихся предпринимателями-арендаторами [8, с. 23–25].

В печати против помещичьего варианта безземельного освобождения крестьян и воссоздания в России системы «лендлорд – землевладелец – фермер-арендатор» выступил, в частности, известный общественный деятель и ученый-правовед Б.Н. Чичерин. По его мнению, Россия не досрела до введения «улучшенного фермерского хозяйства» по английскому образцу. Такой вариант поставил бы крестьянство в бедственное положение, подобно пагубным последствиям освобождения крестьян без земли в Померании³ [9].

Еще более подробную характеристику разновидностей фермерской альтернативы дал Н.Г. Чернышевский в опубликованной в 1857 г. в журнале «Современник» статье «О поземельной собственности». Рассматривая

¹ Закон РСФСР «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (принят 22 ноября 1990 г.).

² Остзейский край включал три прибалтийские губернии Российской империи – Эстляндскую, Лифляндскую и Курляндскую. Имеются в виду проведенные в крае в первой половине XIX в. аграрные преобразования.

³ Прусская провинция на побережье Балтийского моря.

современные ему английский и французский образцы, Чернышевский определяет фермерский (арендно-предпринимательский) тип производства как закономерный этап аграрной эволюции. Он отмечает, что эпоха фермерства наступает тогда, когда в производстве начинают преобладать крупные хозяйства. В результате «мелкие производители не могут выдерживать соперничества с крупными, земледельцы-собственники мелких и средних участков должны работать в убыток себе или отчуждать свои участки» [10, с. 426–434].

В отличие от реформаторов образца 1861 г., обращавшихся к различным моделям фермерства, в том числе английской, реформаторы начала 1900-х предпочитали говорить исключительно о переходе от общинного к подворному землепользованию и о хуторском хозяйстве, не касаясь сложных вопросов взаимоотношения помещичьего и крестьянского хозяйств. Характерно, что накануне столыпинской реформы вышли в свет, в частности, труды ближайшего соратника П.А. Столыпина – А.А. Кофода [11], а также его родственника – Д.А. Столыпина [12], в которых рассматривалась хуторская форма ведения хозяйства применительно к практическим нуждам того времени. Известен и интерес самого П.А. Столыпина к хуторскому хозяйству еще в ранний период его деятельности.

Примечательно, что современники в конце XIX – начале XX в. иногда образно называли Соединенные Штаты «страной хуторов», имея в виду преобладание в сельскохозяйственном производстве этой страны фермерского хозяйства. Однако вполне очевиден тот факт, что в помещичье-дворянской России начала XX в., как в целом и в предшествующее пореформенное сорокалетие, никакого пиетета по отношению к американскому фермерству не было. Безусловно, активно распространявшееся в России после Крестьянской реформы хуторское хозяйство было более органичной и адаптированной к российской действительности моделью. Надо полагать, обращение к примеру свободного, не отягощенного грузом отношений с крупным землевладением американского фермерства в еще не успевшей оправиться от революционных потрясений России выглядело бы по меньшей мере некорректно. И в этом, по-видимому, кроется причина невнимания столпов столыпинской аграрной реформы к опыту американского фермерства.

Проводимый реформаторами 1900-х гг. подход возобладали и в работах современных исследователей столыпинской аграрной реформы. Вызывает удивление тот факт, что при огромной массе публикаций, посвященных столыпинской аграрной реформе, помещики и помещичье хозяйство в новейшей истории графии фактически стали «фигурой умолчания». Тем самым совершенно необоснованно упускается из виду то обстоятельство, что и фермерская альтернатива, и сам потенциал реформы были неразрывно связаны с тем, как решалась судьба помещичьего хозяйства, какое место оно занимало в планах реформаторов в связи с решением крестьянского вопроса.

Одним из обсуждаемых в течение уже целого столетия является вопрос о наличии реальных перспектив реализации столыпинской аграрной реформы и возможности создания массового слоя российского фермерства. Чтобы попытаться на него ответить, необходимо выяснить, насколько определяла обеспеченность крестьянства землей в начале XX в. его дифференциацию, выделение из его массы слоя «сильных и крепких» сельскохозяйственных производителей.

Прежде всего попытаемся выяснить, какой должна быть средняя норма землепользования, чтобы удовлетворить продовольственные нужды крестьянского хозяйства. По данным земских статистиков, для Центрально-Черноземного района она составила 1,23 дес. на душу населения⁴

. При среднем размере семьи в 6 душ минимальная норма обеспеченности землей определялась в 7,4 дес. Учитывая господство трехпольной системы земледелия, эту цифру следует увеличить, как минимум, на треть, что в итоге составит около 10 дес. на двор.

Данный расчет подтверждается и исследованиями земских агрономов. Они ставили цель – определить минимальный размер безубыточного (т.е. устойчивого) хозяйства в черноземной зоне. В частности, для Тамбовской и Тульской губерний указывался размер в 10–15 дес. По мнению Н.П. Огановского, в районах земледельческого центра с преобладанием трехполья 10–12 дес. на хозяйство из 6 душ являлись нормой, «при которой более или менее полно удовлетворяются насущные потребности крестьянской семьи» [13, с. 88]. Вместе с тем трудоспособный крестьянин имел возможность обработать до 14,5 дес. на душу [14, с. 618], т.е. при соответствующем составе семье, а также при условии привлечения наемной рабочей силы фермерское хозяйство могло иметь несколько десятков десятин. В многоземельной степной полосе речь могла идти уже не об одной сотне десятин. Так, по данным П.И. Савельева, средний размер хутора в обследованных в начале XX в. волостях Новоузенского уезда Самарской губернии достигал 272 дес. [15].

Представление о потенциале для развития фермерского хозяйства в конце XIX в. могут дать средние цифры обеспеченности землей крестьянства. При этом выявляются заметные отличия в обеспеченности землей различных разрядов крестьян. По данным А.М. Анфилова, наиболее обеспеченными землей оказались государственные крестьяне. В 1877 г., спустя полтора десятилетия после реформы 1861 г., на одно хозяйство крестьян этого разряда приходилось 15,1 дес. земли. Эта цифра, как нам представляется, свидетельствует о существовании в пореформенное время достаточно высокого потенциала для массовой трансформации хозяйств государственных крестьян по фермерскому пути. Несмотря на рост населения, фермерский потенциал не был исчерпан и к началу столыпинской реформы. По сведениям на 1905 г., средняя наделенность государственных крестьян землей составила 12,5 дес. на двор.

В худшем положении находились удельные крестьяне, землеобеспеченность которых уменьшилась за 1877–1905 гг. с 12,5 до 9,5 дес. на двор.

⁴ Сборник статистических сведений по Орловской губернии. Орел, 1895. Т. VIII: Орловский уезд]. С. 176.

Помещичьи крестьяне в своей массе в пореформенный период вовсе были лишены возможности встать на путь эволюции по «американскому» типу. Их земельные наделы сократились с 8,9 до 6,7 дес. на двор [16, с. 220]. Этот факт свидетельствует в пользу вывода О.Н. Бурдиной о том, что в бывшей помещичьей деревне «только дарственное хозяйство, независимо от его размера и удачливости <...> могло эволюционировать в сторону фермерского» [8, с. 31].

Данные по губерниям и регионам за несколько лет до начала столыпинской аграрной реформы можно почерпнуть из материалов Комиссии 1901 г. Проведенные нами подсчеты показали, что стабильно обеспеченным надельной землей в пореформенный период было крестьянство губерний Северо-Восточного района (Вятская и Пермская), Восточного (Уфимская, Оренбургская, Самарская) и Юго-Восточного (Астраханская губерния и Донская область) [17, с. 156–165]. Однако некоторые исследователи указывают на незначительный удельный вес фермерского хозяйства. В частности, в исследовании П.И. Савельева подтверждается верность данного наблюдения даже для такой типичной территории поселково-хуторского расселения, как Самарская губерния [15].

В целом в пореформенный период мечта о крестьянине-собственнике оказалась недостижимой. Реальная политика и практика в 1880–1890-е гг. приняли направление, по ряду пунктов оказавшееся прямо противоположным принципам, заложенным в реформе 1861 г. [18]. По мнению В.П. Данилова, именно тогда была потеряна возможность мирного эволюционного развития российской деревни [3, т. 2, с. 274]. Вспоминая слова П.А. Столыпина о необходимых для успеха реформы 20 лет покоя, можно акцентировать мысль В.П. Данилова и констатировать, что эти десятилетия были упущены в 1880–1890-е гг.

После отмены крепостного права помещичье земле владение и землепользование продолжали оставаться существенным фактором, сдерживавшим становление и развитие хозяйств фермерского типа и, более того, своим огромным весом в политической жизни империи препятствовавшим распространению фермерских хозяйств американского типа на принадлежавшие казне свободные земли.

Весьма симптоматично для характеристики позиции дворянства по отношению к развитию товарного крестьянского производства в окраинных регионах России высказывание в периодической печати дворянского публициста К. Головина. В момент резкого обострения аграрного кризиса, пошатнувшего положение помещичьего хозяйства на мировом рынке, он писал: «Боясь конкуренции с Америкой, мы создаем Америку у себя, бок о бок с Россией, и не в одной только Сибири, а на всем пространстве малонаселенных заволжских степей» [19, с. 329] (цит. по: [20, с. 245]). Помещики хорошо понимали, что при усилении тенденций к «американской модели развития» их хозяйство теряло дешевую рабочую силу, а следовательно, снижалась его способность выдерживать неимоверно обострившуюся в годы аграрного кризиса борьбу на мировом рынке. Кроме того, фермерские хозяйства становились серьезными конкурентами помещичьим имениям.

Отсутствие помещичьего хозяйства в Сибири создавало простор для развития фермерства⁵

[21; 22]. Этот же фактор способствовал осуществлению и другой, не менее значимой альтернативы – кооперативного движения. Однако, несмотря на удаленность, помещичье хозяйство силой своей «гравитации» оказывало влияние на структуру аграрного производства Сибири. Самый яркий пример такого влияния – существование вплоть до начала Первой мировой войны Челябинского тарифного перелома, фактически препятствовавшего появлению на рынках Европейской России сибирского хлеба [23, с. 280–287]. Следствием такой ограничительной тарифной политики стало мощное развитие сибирского маслоделия [24, с. 149–150].

В районах господства помещичьего хозяйства и крестьянского малоземелья основы функционирования системы хозяйства, при которой из-за нехватки земли крестьяне вынуждены были арендовать ее у помещика, как раз и были заложены реформой 1861 г. В связи с этим представляется весьма важным сделанный Л.Г. Захаровой вывод о том, что «реформа была компромиссом, ее программа предусматривала развитие и сосуществование в пореформенном аграрном строе двух типов хозяйств – крупного помещичьего и мелкого крестьянского; в условиях реформы была заложена возможность развития капитализма через буржуазную эволюцию и помещичьего, и крестьянского хозяйства, с большим преимуществом для помещичьего хозяйства» [25, с. 325–326].

Перманентно растущее в пореформенное время крестьянское малоземелье грозило обострением социальных противоречий, что наглядно показали волнения 1902 г. в Полтавской и Харьковской губерниях [26]. Аналогичные причины легли и в основу событий Первой русской революции, когда масса помещиков бежала из разграбленных и сжигаемых крестьянами имений в города под защиту правительственных войск.

В связи с вышеизложенным можно констатировать, что концепция столыпинской аграрной реформы явилась, с одной стороны, плодом осмысления произошедшей в пореформенное сорокалетие аграрной эволюции, а с другой – результатом возникшего в ходе революционных событий у власти осознания опасности общины как механизма, способного перемолоть и уничтожить помещичье землевладение в России. В конечном итоге крестьянский вопрос в соответствии с концепцией аграрной реформы начала XX в. стал решаться не за счет прирезок государственных или помещичьих земель, а за счет разрушения общинного землепользования и перераспределения общинной земли, переселения крестьян на окраины империи, миграции их в города, требовавшие притока рабочей силы вследствие проводимой политики индустриализации.

Подчеркнем, аграрная эволюция пореформенной деревни, несмотря на отмену крепостного права и провозглашение курса на создание класса крестьян-собственников, слабо соотносилась с фермерским путем развития. Это свидетельствует о своеобразии начальных условий, в которых осуществлялась столыпинская аграрная реформа, и может способствовать пониманию особенностей ее протекания, в частности, причин

⁵ На это обстоятельство историки обратили внимание в конце 1950-х – начале 1960-х гг. во время проведения дискуссии о путях развития капитализма и мелкотоварном производстве в сельском хозяйстве дореволюционной России. Одним из следствий этой дискуссии стало усиление внимания к исследованию перспектив «американского», фермерского пути аграрного развития Сибири и национальных окраин.

быстрого падения ее темпов.

Сопоставление основополагающих принципов двух реформ (крестьянской 1861 г. и столыпинской начала XX в.) приводит к следующему выводу: если в основе крестьянской реформы лежала нивелировка, усреднение сельского населения, то столыпинская реформа, напротив, исходила из принципа дифференциации крестьянства. Заметно усилившееся в пореформенное сорокалетие малоземелье крестьян во многом определило характер и логику столыпинской реформы, сделавшей ставку не на деревенскую массу в целом, а сориентировавшей ось аграрной политики в сторону поддержки выделявшегося в российской деревне слоя «крепких и сильных». Тем не менее, рассматривая предпосылки, ход и результаты столыпинской аграрной реформы, следует иметь в виду преемственность реформаторских усилий в аграрной сфере, равно как и генетическую взаимосвязь крестьянской реформы 1861 г. и столыпинской аграрной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анфимов А.М.* Столыпин и российское крестьянство. М., 2002.
2. *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство: избр. труды. М., 1989.
3. *Данилов В.П.* История крестьянства России в XX веке: избр. труды : в 2 ч. М., 2011.
4. *Никонов А.А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика в России XVII–XX вв. М., 1995.
5. *Shanin T.* Defining Peasants: Essays Concerning Rural Societies, Expolary Economics, and Learning from Them in the Contemporary World. Oxford: Basil Blackwell, 1990.
6. Современные концепции аграрного развития (теоретический семинар) // Отечественная история. 1993. № 2. С. 3–28.
7. *Macey D.A.J.* Government and Peasant in Russia, 1881–1906: The Prehistory of the Stolypin Reforms. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1987.
8. *Бурдина О.Н.* Крестьяне-дарственники в России 1861–1907 гг. М., 1996.
9. *Чичерин Б.Н.* О настоящем и будущем положении помещичьих крестьян // Атеней. М., 1858. Ч. 1.
10. *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. М., 1948. Т. IV.
11. *Кюфод А.А.* Крестьянские хутора на надельной земле. СПб., 1905. Т. 1–2.
12. *Столыпин Д.А.* Арендные хутора. СПб., 1906.
13. *Огановский Н.* Закономерность аграрной эволюции. Саратов, 1914. Т. III, вып. 1.
14. *Иванова Н.А., Желтова В.П.* Сословное общество Российской империи (XVIII –начало XX века). М., 2010.
15. *Савельев П.И.* Русское фермерство в его исторической ретроспективе (по материалам юго-востока Европейской России) // Отечественная история. 1998. № 5. С. 46–61.
16. *Анфимов А.М.* Некоторые данные об изменениях экономического положения крестьян разных разрядов в конце XIX в. // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 218–235.
17. Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903.
18. *Зырянов П.Н.* Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М., 1992.
19. Русский вестник. 1894. Т. 235. Декабрь.
20. *Симонова М.С.* Проблема «оскудения» Центра и ее роль в формировании аграрной политики самодержавия в 90-х годах XIX – начале XX в. // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 236–270.
21. *Тюкавкин В.Г.* Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966.
22. *Горюшкин Л.М.* Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1967.
23. *Китанина Т.М.* Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX века. Стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб., 2011.
24. *Николаев А.А.* Основные виды кооперации в России: историко-теоретический очерк. Новосибирск, 2007.
25. *Захарова Л.Г.* Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011.
26. Крестьянское движение в России 1901–1904 гг.: Сб. документов. М., 1998.

Статья поступила
в редакцию 21.02.2012 г.